

K 84
K-78

Владислав КРАПИВИН

БЕГСТВО РОГАТЫХ ВИКИНГОВ

233631

СОБД и Ю
Удел хранения

Владислав КРАПИВИН

К84

К78

**Бегство
рогатых
ВИКИНГОВ**

233631

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, СВЕРДЛОВСК, 1970

1-27

130365

1905

05

ТАКАЯ БЫЛА ПЛАНЕТА

Дом был совсем новый. Стены в коридоре еще пахли краской. А перила у лестницы были гладкие-гладкие. И блестящие. Они будто из всех сил просили, чтобы кто-нибудь по ним прокатился.

Из квартиры на четвертом этаже вышел мальчик. Дверь за ним захлопнулась. Мальчик оглянулся на дверь, потом посмотрел вниз. На лестнице и на площадках было пусто. Мальчик лег на перила животом и оттолкнулся пяткой от ступеньки. Но перила его обманули. Они только казались гладкими, а скользить по ним было нельзя. Они прилипли к животу, и живот чуть не свернулся набок, а рубашка смялась и выбилась из-под широкой поясной резинки. Кроме того, он крепко стукнулся о железные прутья перил ногой.

Но это лишь на секунду огорчило мальчика. Он поболтал ногой, чтобы разогнать боль, рывком сунул под резинку рубашку и запрыгал вниз: пять ступенек

на левой ноге, пять — на правой. А потом — бегом через три ступеньки.

Но не думайте, что он был совсем беззаботен. Беспокойство все-таки шевельнулось в нем, когда он допрыгал до нижней площадки. И прежде чем выйти из подъезда, мальчик быстро и настороженно оглядел двор.

Опасности он не заметил. Солнечный двор был почти пуст. Лишь худой рыжеусый дворник, еще незнакомый, беспорядочно хлестал из шланга по асфальту, по одинокой, недавно сделанной клумбе и даже по глиняной куче, которую не успели вывезти после окончания стройки.

Пятиэтажный дом был построен в виде буквы «П». Ножки этой буквы соединял узорчатый бетонный забор с воротами. Мальчик зашагал к воротам. Струя из шланга со стремительным шипением пронеслась по асфальту поперек его пути. Мальчик почувствовал на ногах холодные уколы брызг. Он замедлил шаги, но струя, пропуская его, взметнулась до окон второго этажа.

Мокрая полоса на асфальте отливала синим, с солнечными искрами, блеском. Мальчик с удовольствием прошлепал по ней, а потом оглянулся. Он любовался следами. Следы тянулись за ним ломаной цепочкой. Четкие, рубчатые, красивые. Потому что на ногах у мальчика были новенькие кеды с нестершимися подошвами. Отличные кеды тридцать второго размера, марки «два мяча», синие, с белыми шнурками и отделкой. Мальчик радовался им уже второй день: это была настоящая обувь. Не то что хлипкие сандалеты из красных ремешков, похожие на женские босоножки...

Следы становились бледнее и бледнее, но мальчик все еще шел, глядя назад, через плечо. Поэтому он увидел свой портрет, когда уже наступил на него.

Это был плохой портрет. Просто издевательский. Его нарисовали мелом на асфальте. Похоже нарисовали. Но на всякий случай сбоку от рисунка было написано: «Вовушка — бедная головушка». А внизу — короче и понятнее: «Вовка — дурак!»

«Ну, вот, — с тоской подумал Вовка, — теперь она уже где-то пронюхала, как меня зовут».

Он остановился над портретом и попробовал сунуть в карманы кулаки. Но это не удалось: накладные кармашки на штанах были мелкие и тесные. Вовка заложил руки за спину, оглянулся и громко сказал:

— Ладно, жаба! Ты мне попадешься.

Но он знал, что это ерунда. Как бы он сам не попался!

У нее были рыжие дерзкие глаза и почти мальчишечья светловолосая прическа: сзади волосы были подстрижены коротко, а спереди остался длинный чуб. Он часто падал на глаза, и девчонка сердито мотала головой. Наверно, ей это нравилось — так резко и зло отбрасывать назад волосы.

Первый раз Вовка увидел ее четыре дня назад. Он вышел во двор, чтобы как следует осмотреть новые места. День был серый и холодный, и казалось, что лето уже не вернется.

А девчонка стояла у ворот в одном платьице и, скрестив руки, смотрела, как зеленый автокран усаживает в широкую яму большой вздрагивающий клен. Белое с разноцветными клетками платье билось на ветру, как оторванный парус.

И растрепанные волосы то взлетали, то падали на лоб девчонки.

Вовка стоял и смотрел на нее. Она его тоже увидела. Сначала взглянула просто так, а потом вдруг вытянула вниз руки, сцепила пальцы, склонила набок голову и состроила удивленно-жалобную гримасу.

Это она его изобразила!

Вовка был тогда в длинных школьных штанах с просторными карманами. Кулаки в этих карманах помещались отлично. Вовка сунул их поглубже и шагнул вперед. Он считал, что это выглядит грозно.

Девчонка перестала дразниться, но не двинулась с места. Только сжала маленькие острые (и, наверно, очень твердые) кулачки и насмешливо сощурилась.

Она ничего не сказала, но весь ее вид говорил: «Ну-ка подойди!»

Вовка не подошел. Он понял, что, если подойдет, будет драка. А драться он не любил. Вернее, не умел. Взрослые с удовольствием говорили: «Мягкий характер». Мальчишки про его характер говорили без удовольствия, но колотили Вовку редко: не было интереса. Так он дожид до девяти лет, а драться не научился. Про свой мягкий характер Вовка думал с ненавистью. Но что он мог сделать? Ведь характер — не сандалеты из красных ремешков, его не изорвешь и не выбросишь раньше срока...

А девчонка вела себя нахально. Каждый день рисовала на асфальте Вовкины портреты. Она изображала его с жалобным лицом, испуганными глазами и уныло повисшими ушами. Уродливо, но похоже. Увидев Вовку, она бросала мел, поднималась и ждала. «Ну, давай, давай, подходи!» — говорили рыжие насмешливые глаза.

Вовка поворачивался и уходил.

Вовка плюнул на рисунок и перешагнул через него. Девчонки не было видно, и он не чувствовал обычной робости. Но настроение, конечно, стало не таким веселым. И, чтобы оно не испортилось совсем, Вовка решил дать клятву. Правда, позавчера и вчера он уже давал себе такие клятвы, но сейчас решил, что эта будет самая твердая и самая последняя.

Он широко зашагал к воротам и на ходу проговорил тихо, но решительно:

— Самое честное-расчестное слово, что сразу же надаю ей по шее, как только увижу...— Несколько шагов он сделал молча, а потом добавил: — Если будет еще рисовать... или дразниться.

Он был уверен, что теперь обязательно выполнит свою клятву. Правда, ему не хотелось выполнять ее сейчас. Лучше когда-нибудь потом. Вовка даже чуть не оглянулся с опаской: не появилась ли девчонка? Но тут же решил, что оглядываться не стоит, и отправился дальше, решительно печатая шаг. От такого печатания выбились наружу белые с зелеными полосками носки, которые Вовка всегда заталкивал в кеды, чтобы не портили вида. Потому что это были какие-то девчачьи носочки. Вовка нагнулся и стал запихивать их обратно, с глаз долой.

Он стоял теперь в тени клена. Тень была такая густая, что солнце пробивалось лишь отдельными бликами. Блики были совершенно круглые — большие солнечные чешуйки. Они плясали вокруг Вовки, прыгали по ногам, по ладоням. Вовке даже показалось, что они щекочут его, словно крылья бабочек. И тихо-тихо шелестят. Но он не успел понять, правда это или нет. Большой желтый лист отделился от клена и тихо лег на Вовкино плечо. Зубцами вниз, как золотой генеральский эполет.

Вовка выпрямился и с благодарностью взглянул на клен. Там было много желтых листьев. Наверно, этот клен раньше других деревьев почувствовал, что тепло последних августовских дней обманчиво и лето вот-вот кончится. А может быть,

он увядал потому, что его не вовремя и не очень удачно пересадили из старого парка в этот двор. Да и скучно одному на новом месте. Вовка это знал по себе.

Он хотел сказать клену что-нибудь хорошее, но не успел. Услышал окрик:

— Вова! Ну что ты копаешься! Иди скорей!

Это сестра. Она распахнула окно и с четвертого этажа наблюдала за Вовкой.

Вовка снял с плеча лист, подумал и сунул его под рубашку. Бросать его было почему-то жаль.

— Во-ва!

Он шагнул к воротам.

— Подожди!

Вовка остановился. Он понимал, что сестре не очень нужно, чтобы он шел скорее. Ей другое нужно. Она будет теперь на весь двор выкрикивать советы и наставления, пока в окне напротив не покажется длинный белобрысый парень с утиным носом. Он появится в окне и станет будто просто так оглядывать двор и насвистывать сквозь зубы. Тогда Вовкина сестра прокричит последнее наставление, плавно поведет плечами и скроется в глубине комнаты.

Все это Вовка отлично знал, и не одобрял он такого поведения. Но молчал.

Сестра была почти в два раза старше и держала его в строгости.

— Нигде не задерживайся! — крикнула она.

— Ладно!

— И не выбирай очень большой! А то будет тяжело нести!

— Не буду!

— И не потеряй сдачу!

Вовка с тоской покосился на окно, в котором должен был появиться его спаситель. Спасителя не было.

— Владимир! Я с тобой разговариваю!

«Разговаривает! Вопит, как репродуктор на стадионе...»

— Не потеряю! — крикнул Вовка и качнулся в сторону ворот.

— Подожди! Осторожней переходи через улицу! Там машины!

Надо же! Машины! А он думал, что слоны и дирижабли! Парень в окне так и не появился. Значит, у сестры будет скверное настроение.

— Вова! Ты слышишь?!

— Хо! По! Шо! — крикнул он и рванулся за ворота.

Вовка пересек мостовую, добежал до угла и свернул в маленький сквер. Там над аллеей сомкнули ветки высокие тополя.

И плясали на песке чешуйки солнца.

Здесь их были тысячи. Они то и дело собирались вместе, но не сливались в расплывчатые пятна, а прыгали друг по другу, резвились, как светло-рыжие котята.

Вовка шагал по ним вприпрыжку, и кленовый лист шевелился под рубашкой, словно маленький зверек. Скреб по животу мягкими коготками.

— Тихо ты... — сказал ему Вовка.

Он вышел из сквера, проскакал еще квартал и остановился у ларька с бело-синим навесом.

Под навесом в деревянной клетке лежали темные полосатые арбузы с поросячьими хвостиками. Как спящие кабанята. Сердитая продавщица в синем халате с размаху выхватывала из клетки то одного, то другого кабаненка и опускала на шаткий прилавок.

Покупатели были придирчивы. Некоторые щелкали по зеленому лакированному боку, придвигали ухо и слушали: гудит или не гудит? Другие щупали и крутили в пальцах тощие арбузы хвостики. Третьи не доверяли никаким приметам и требовали сделать вырез. Продавщица ворчала и со свирепым лицом всаживала тонкий сверкающий нож. Вовка каждый раз ждал, что раздастся пронзительный поросячий визг. Продавщица ловко выхватывала из арбуза красную или розовую пирамидку мякоти и начинала крикливо доказывать, что арбуз

не обязательно должен быть очень красным и что он и без красноты может быть сладким. Но откусить не давала, и ей не верили.

Чем ближе подходила Вовкина очередь, тем сильнее он беспокоился. Выбирать арбузы по хвостам и по звуку он не умел, а попросить продавщицу сделать вырез ни за что бы не решился.

А ему нужен был очень спелый арбуз. Сам-то Вовка съел бы и незрелый, но сестра любила только хорошие арбузы. Если Вовка купит хороший, настроение у сестры, может быть, улучшится. И, может быть, она вспомнит, что обещала сходить с Вовкой в планетарий, который открылся в краеведческом музее. Андрюшка Лапин, Вовкин сосед по старой квартире, рассказывал, что там показывают, как крутится Земля и почему бывают затмения. И разные планеты показывают...

И когда подошла очередь, Вовка вытянул над прилавком руку и указал на самый большой арбуз. Самый большой — значит, самый спелый. В этом Вовка был совершенно уверен.

Продавщица с сердитым удивлением уставилась на щуплого мальчишку-покупателя. Перевела взгляд на арбуз. Потом опять на Вовку. Снова на арбуз.

— Этот, что ли? — отрывисто спросила она.

Вовка робко кивнул.

— А кто потащит? Я его за тебя потащу? — поинтересовалась продавщица.

Вовка вспомнил, как помогал Андрюшке втаскивать на балкон велосипед, и сказал:

— Я сам...

— «Сам!» — передразнила она. — Брюхо надорвешь, а с меня спросят.

«Не продаст», — подумал Вовка и соврал:

— Я близко. Я рядом живу.

— Рядом... — проворчала она, однако с кряхтеньем подняла арбуз и опустила на весы. Весы жалобно дзенькнули.

— Надорвется пацан,— заговорили в очереди.— Виданное ли дело... Взрослому и то... Куда родители смотрят...

— Если что случится, мое дело маленькое,— заявила продавщица уже не для Вовки, а для других покупателей.

— Ничего не случится,— убедительно сказал Вовка.

Он чуть присел, и продавщица скатила ему арбуз на согнутые руки.

Ух! Вот тут-то Вовка понял, что значит земное притяжение! Просто удивительно, что в первую же секунду он не грохнул арбуз и сам удержался на ногах. Но он не грохнул и удержался. И в первую секунду. И во вторую. И в третью...

Потом он сделал шаг. Еще. И пошел.

Он шел, хотя ему казалось, что руки вот-вот разогнутся или он вместе с арбузом провалится к самому центру планеты.

Прохожие охали и оглядывались на мальчишку с такой тяжелой ношей. Казалось, что ноги у него в коленках не сгибаются, а переламываются от непосильного груза, как лучинки. И сам он скоро сломается.

Вовка нес арбуз, откинувшись назад, чтобы часть тяжести перевалить с рук на грудь. Но от этого начинали сползать штаны, потому что резинка была не очень тугая. Приходилось их придерживать локтем. Кроме того, Вовка забыл сунуть в карман сдачу и держал ее в кулаке. Это было тоже неудобно.

— Подсобить? — спросил высокий парень в железнодорожном кителе.

— М-м...— сказал Вовка. И разозлился на себя за свое упрямство. Ведь было бы здорово, если бы кто-нибудь помог. Но парень удивленно покачал головой и ушел.

Вовка двигался мелкими шажками. Носки с зелеными полосками снова выбились наружу, но он этого даже не знал. Он не видел своих ног. И дороги не видел. И многого другого. Арбуз загородил собой полмира. Его громадная круглая вер-

хушка покачивалась перед Вовкиными глазами и отливала ма-лахитовым блеском.

«Только бы добраться до сквера,— думал Вовка.— Пока руки не отломались...»

Только бы добраться до сквера. А там скамейки. Можно отдыхать хоть на каждой. А потом — через дорогу и в подъезд. Правда, там еще лестница на четвертый этаж, но ведь на лестнице тоже можно отдыхать... Только бы дотянуть до первой скамейки!

И он дотянул.

Он опустился перед скамейкой на колени и положил руки с арбузом на сиденье, сколоченное из пестрых реек. Что-то очень острое попало под левую коленку, но Вовка сначала даже не обратил внимания.

— Ух... — тихонько сказал он и несколько секунд не шевелился. Только прижался к арбузу щекой. Арбуз был гладкий и прохладный. Вовка осторожно освободил из-под него ослабевшие руки и встал.

Оказалось, что в колено ему впились острыми краями пробка от пивной бутылки. Теперь она отвалилась, и на коже остался тонкий красный отпечаток — звездочка с мелкими зубцами. Вовка поморщился, поспешил палец и потер колено. Звездочка не оттерлась, а колено покраснело.

Вовка сердито пнул пробку. Она подскочила и перевернулась кверху блестящей спинкой. Солнечные чешуйки сразу же запрыгали через нее, выбивая мелкие искры. Тогда Вовка поднял пробку и наклонился над арбузом.

Интересная мысль у него появилась: украсить арбуз узорными отпечатками. Вовка вдавил пробку в твердую зелень корки и любовался первым оттиском. Потом хотел продолжить свое интересное дело, но услышал шаги и поднял голову.

Шли мальчишки.

Их было двое. Шаги их были медленны, лица непроницаемы, а намерения неясны.

Вовка ощутил тоскливое беспокойство.

А мальчишки приближались.

Каждый был года на три старше и на голову выше Вовки. И, наверно, поэтому они на него даже не смотрели. Они смотрели на арбуз. Конечно, такой необыкновенный арбуз был для них в сто раз интереснее обыкновенного Вовки.

Но это как раз и плохо. Ради такого интереса они могли сделать с арбузом что угодно. Вдруг им захочется узнать, как он выглядит внутри. Или попробовать на вкус. Или просто придет в голову испытать, громко ли он треснет, если трахнет на землю. А заодно отвесить Вовке по шее «макаронину», чтобы не вздумал зареветь...

Мальчишки были уже в пяти шагах. Особенно опасным Вовке показался один — в синем тренировочном костюме, с темным ежиком волос и черными, какими-то хитрыми глазами. У второго были светлые, зачесанные набок волосы и такая же, как у Вовки, рубашка — белая, с красными поперечными полосками и квадратным воротом. Эта рубашка почему-то слегка успокаивала Вовку. Но все-таки он ждал мальчишек с большой тревогой.

Они подошли и остановились у скамейки. И все так же смотрели только на арбуз.

— Вот это шарик! — сказал темноволосый. — Глянь, Захар!

Захар потерял пуговицу на такой же, как у Вовки, рубашке и медленно ответил:

— Я и так... гляжу. Ничего себе глобус.

Глобус... Вовка представил свой арбуз на черной лакированной подставке с тонкой ножкой и неосторожно хихикнул. Ребята разом глянули на него, и Вовка поспешно сжал губы.

Темноволосый мальчишка спросил:

— Это твой?

— Мой, — сказал Вовка и почему-то вздохнул.

— Сам тащил?

Вовка на всякий случай вздохнул еще раз.

— Сам...

— Врешь.— Острые черные глаза быстро и недоверчиво ощупали Вовку. В них почудились Вовке холодные огоньки.

— Честное слово, не вру,— торопливо заговорил он.— Я тащил, тащил... Думал, что лопну.— Он хотел пробудить в мальчишках жалость и отвлечь их от опасных мыслей, если такие мысли у них имелись.

— Силен! — произнес Захар, и Вовке показалось, что в голосе его появилось уважение. Но приятель Захара сказал без всякого уважения:

— «Силен!» Он его катил по земле, наверно. Катил?

— Тащил,— тихо, но твердо ответил Вовка.— Если бы катил, были бы вмятины.— И он с надеждой посмотрел на Захара. Тот заступился:

— Шурка, ты чего пристал к человеку? Ему и без тебя тошно. Вон какую планету на себе нес...

Вот это сказал! Планету! А ведь верно. Вовка вспомнил картинки про космос, которые видел в каком-то журнале. В черной мгле там светились туманные пятнистые шары планет. Желтые, розовые, голубоватые. А этот зеленый. Ну и что? Все равно похоже.

Теперь понятно, почему в арбузе такая тяжесть: большая Земля притягивала к себе маленькую зеленую сестру...

А Захар и Шурка уже отвернулись и опять разглядывали арбуз. Будто и в самом деле изучали новое небесное тело. И Вовка слышал непонятные слова:

— По ходу стрелки...

— Период обращения...

— Если полнолуние, тогда наивысшая точка...

— При чем здесь точка?

— Ты чурбан...

Это последнее было уже понятно. Вовка осторожно просунул голову между спорщиками: о чем это они?

Шурка недовольно глянул на Вовку.

— Когда бывают самые большие приливы в океане? Знаешь? Ничего ты не знаешь.

— Наверно, когда шторм,— неуверенно высказался Вовка.

— Он так же, как ты, разбирается,— ехидно сказал Шурка Захару.

Тот хотел ответить, но вдруг посмотрел в конец аллеи и сообщил:

— Приближается мой братец. Чего ему надо?

По аллее бежал маленький мальчишка в большой красной тюбетейке. Он был толстый, и бежать ему было трудно. Он двигался тяжелыми, неумелыми скачками. Тюбетейка держалась слабо и при каждом скачке подпрыгивала над головой, как крышка над чайником.

— Ну, чего тебе? — с досадой сказал Захар.

— Вот, на...— Толстый брат протянул ему блестящую монету.— Двадцать копеек. Лизка велела кусок мыла купить и сразу домой принести. А потом уже идите, куда хотите.

— Не «хочете», а «хотите»,— мрачно сказал Захар.— Кто тебя просил нас догонять? Мыло еще какое-то ей понадобилось...

— Пусть забирает деньги и топает домой,— предложил Шурка.— Скажет, что не догнал нас. Талька, ты понял?

— Правда, Виталий...— просительно сказал Захар.

Но Талька уже отдышался и сделался спокойным и важным.

— Не пойду. Она меня отлупит,— объяснил он и решил, что с этим вопросом покончено. Вытянул из кармана желтое, как луна, яблоко и поднес ко рту. Но не откусил. Увидел арбуз.

— Это что? — спросил он.

— Это арбуз,— сдержанно ответил Захар.— По-моему, ты не слепой.

Талька глянул на Вовку.

— А это?

— Это хозяин арбуза,— сказал Шурка.

— Будем есть? — деловито поинтересовался Талька.

- Хозяина или арбуз? — спросил Шурка.
- Хватит вам, — вмешался Захар. — Талька, дай яблоко.
- Зачем?
- Дай сюда яблоко, — железным голосом повторил Захар.

Талька вздохнул и дал.

— Вот теперь смотри, Шурка. Это Луна. — Захар поднял яблоко над арбузом. — Видишь, во время полнолуния она стоит на одной линии с Солнцем, и вся вода в океане начинает притягиваться...

— Затмение получилось, — вдруг сказал Талька и ткнул пальцем в круглую тень яблока на арбузе.

Шурик удивился:

— Смотри-ка, правда!

Вовка тоже удивился. Он сам совсем недавно узнал, как и отчего случаются солнечные затмения, и гордился этим знанием. А толстый Талька, который, наверно, еще и в школу не ходил, знает про затмения не хуже Вовки.

— Хорошая планета, — серьезно сказал Талька. — Вот леса. — Он провел пальцем по темно-зеленым полоскам.

— Меридиональные леса, — непонятно сказал Захар.

Талька указал на отпечаток звездочки.

— А это что?

— Это главный город планеты, — осмелев, объяснил Вовка. Ему понравилась такая игра. Арбуз уже совсем превратился в планету, и она была не чья-нибудь, а Вовкина.

— Хороший город, — сказал Талька.

Захар отдал Тальке яблоко и повернулся к Шурке. Но тот напряженно смотрел в сторону.

— Ой, полундра, — произнес он слабым голосом. — Сюда движется Лизавета.

— Батюшки, — басом сказал Талька.

— Смываемся? — спросил Шурка.

Захар вздохнул:

— Поздно.

Стремительно и широко, словно Петр Первый, по аллее

233031

шагала девчонка в спортивных брюках и черной блузке. Ростом она была с Захара. Волосы ее развевались, а лицо было как у полководца перед атакой.

— Держитесь, мальчики,— шепотом сказал Захар.

Шурик зябко повел плечами.

Лизавета остановилась в двух шагах, прищурилась и сказала:

— Ну-ну?

Захар, как дошколенок, шмыгнул носом. Талька вроде бы похудел.

У Шурика сделалось глупое лицо, и он сказал:

— А чего...

— Вы уже сходили в магазин? — с ядовитой улыбкой спросила Лизавета.

— Ладно тебе... — произнес Захар.

Лизавета не обратила на это внимания. Она стояла, упершись кулаками в бока.

— Где же мыло? — Улыбка ее сделалась зловещей.

— Не устраивай скандалов при посторонних, — тонким голосом сказал Шурка. — Мы не рысаки, чтобы с такой скоростью бежать.

— Вы не рысаки. Вы ослы, — ласково сказала Лизавета. — Вы бараны. — Голос ее стал громче. — Столбы! Чугунные тумбы! Вросли в землю, как пни, а у меня стиральная машина рычит на холостом ходу и вода остывает! Я так и знала, что вы где-нибудь застрянете! Я это вам припомню. Тебе, Сережка, особенно припомню. — Она в упор уставилась на Захара.

«Почему же Сережка?» — машинально подумал Вовка. На Лизавету он смотрел с опаской и чувствовал себя неудобно.

— Обед ты сегодня не увидишь, — пообещала Лизавета Захару. — Так и знай. Будешь голодным сидеть, пока мама не придет. Тальку накормлю, а тебе — во! — И она показала крепкий кулак.

«Это его сестра. Все сестры одинаковы», — подумал Вовка.

И сказал:

— Они не виноваты. Они помогали мне тащить арбуз.

И как это ему пришло в голову? Зачем? Вовка не знал. Язык будто сам сработал.

Все сразу повернулись к нему. Захар и Шурка уставились с удивлением, Тальяка заморгал, а Лизавета глянула подозрительно.

— Врешь, по-моему...

— Я? Я никогда не вру,— с беспримерным нахальством заявил Вовка.— Думаешь, я один тащил такую глыбу? Ну-ка подними!

В черных Шуркиных глазах опять заплясали искры.

— Мы, конечно, могли и не тащить,— небрежно сказал он.— Только это было бы свинство. Все-таки раз человек просит...

Захар смотрел на Вовку с молчаливой благодарностью.

Шурик вдохновенно врал:

— Мы тащили, тащили, а потом решили посоветоваться, кому тащить дальше, а кому бежать в магазин за мылом. А тут как раз Тальяка и говорит: «У, какая планета!» Мы смотрим: правда, похоже. Ну, начали разглядывать и немножко задержались...

— «Задержались»,— хмуро передразнила Лизавета. Однако было уже видно, что без обеда Захар не останется. Сам он тоже это почувствовал.

И решил вступить в разговор.

— Понимаешь, мы тут про приливы вспомнили. Помнишь книжку «Тайны океана»? Ну вот. Вспомнили и стали разбирать, будто на глобусе. Это же нам пригодится... А арбуз — совсем как планета.

Лизавета остановилась перед арбузом.

— Приливы...— медленно сказала она. Лицо ее было уже не сердитым.

— Вообще-то на такой планете другие условия..— начал Шурка и замолчал.

Лизавета долго ничего не говорила, только щурилась и

внимательно глядела на арбуз. А потом тихонько сказала, будто у самой себя спрашивала:

— А бывают такие планеты? Зеленые?

«Не знаю», — подумал Вовка. И вдруг представил себе сказку. Это было как сон, который он увидел, даже не закрывая глаз: в очень черном небе светила яблочная луна и серебристо сверкали звезды, похожие на жестяные пробки от бутылок; свет их запутывался в тонких, как папиросная бумага, маленьких облаках; и под этой луной, под этими звездами и облаками медленно поворачивался громадный шар зеленой планеты. Шар с темными линиями лесов, блестящими пятнами морей и желто-серой пустыней у Северного полюса. По пустыне, звякая бубенцами, тянулся караван зеленых верблюдов, и длинные черные тени их торжественно шагали рядом на песке. Погонщики в халатах и тюрбанах салатного цвета медленно качались на горбах и в полудреме клевали носами, похожими на прыщеватые огурцы. В пустыне не росло ничего, кроме кактусов. Это были зеленые шары и колбасы с длинными колючками. От одного кактуса к другому перебежками крался за караваном светло-зеленый, с темными полосками тигр. Колючки царапали его пыльную шкуру, и тигр мяукал жалобно и сердито, как голодный кот.

Пустыня кончалась на берегу океана, где волны, прозрачные и темные, как бутылочное стекло, лизали с ворчанием глыбы малахита. Вдали от опасных береговых скал прыгали на волнах пузатые корабли, похожие на выдолбленные половинки громадных арбузов. У кораблей были паруса в светлую и темно-зеленую клетку. Отчаянные капитаны, позеленев от натуги, кричали в рупоры непонятные команды. Они плыли открывать неведомые земли.

Эти земли заросли густым тропическим лесом. В чащах орали хриплыми голосами ночные птицы, а на полянах, среди хижин из пальмовых листьев, толпились веселые охотники — лесные жители. Они спорили: пустить к себе отчаянных морских капитанов или с помощью метких стрел предложить им убираться подальше, в свой океан? Самый старый охотник

с бородой, похожей на водоросли, говорил, что пусть убиваются. Потому что в прошлом году эти капитаны побывали на Острове Табачного Листа и вели себя там совершенно неприлично: они научили местных попугаев ужасным пиратским песням. Теперь все попугаи острова круглыми сутками вопят в лесах:

Мы бесстрашны, как акулы!
Наша жизнь — сплошные каникулы!

...— А полярная шапка у этой планеты есть? — придиричиво спросила Лизавета.

— А это что? — Шурка ткнул в светлое пятно на арбузьей макушке.

— Это пустыня,— ревниво сказал Вовка.

— Тогда посмотрим на Южном полюсе,— решил Захар.— Взяли!

Они втроем подняли арбуз над головами и стали похожи на скульптуру соседнего фонтана — ребята с большим мячом.

— Тут, наверно, тоже пустыня,— сказала Лизавета.— Желтое пятно... Ой!

И случилось непоправимое.

«А он не такой уж спелый»,— вот что подумал Вовка в первую секунду. И лишь после этого испугался.

Куски арбуза были розовато-красными. Белые и темно-коричневые семечки блестели в них рядами, словно кнопки нового баяна. Ветер заботливо относил в сторону облако пыли, поднявшееся от удара.

— Все...— сказал Шурка.

Вовка стоял и ничего не говорил. Двигаться и говорить было бесполезно. Большая Земля все-таки притянула маленькую Зеленую Планету. А когда планеты сталкиваются, обязательно бывает катастрофа. «Что же теперь делать? — думал он.— Что же теперь делать? Что же теперь?..»

— Здорово попадет? — шепотом спросил Шурка.

— Наверно...— откликнулся Вовка.

— Такая была планета!..— тихо сказал Талька.

И вдруг Вовка понял, что не боится. Ему было просто очень жаль арбуза. Не арбуза, а планеты. Жаль зеленой сказки, которая разбилась. А больше всего было жаль, что вот сейчас эти мальчишки и Лизавета уйдут и он потащится домой один.

Дома ему, конечно, влетит, но не в этом дело. Была сказка, была игра, были ребята, уже немножко знакомые. Было хорошо.

А сейчас стало плохо...

— Такая хорошая была планета,— снова сказал Талька.

— Перестань хныкать! — приказала Лизавета. И спросила у Вовки:

— Сколько он стоит?

— Рубль восемьдесят.

— А у нас только двадцать копеек,— уныло сказал Шурка.

Вовка покачал головой.

— Второй покупать нельзя. Все равно она догадается. По сдаче догадается. Таких больших арбузов больше нет, а если маленький купить, значит, должно денег больше остаться. А у меня мало...

— Кто это «она»? — спросила Лизавета.

— Ну, сестра... Старшая.

— Все сестры такие,— мрачно сказал Захар.

— Умолкни! — сказала Лизавета.

Вовка вздохнул:

— Лучше уж я так... Объясню.

Лизавета молчала.

— Он ведь сам тащил этот арбуз. Без нас,— сказал Шурка.

Лизавета все равно молчала.

— Слушайте, Захаровы! — начал Шурка.— Давайте дотащим до его дома все эти куски. Скажем: нарочно разбили, чтобы легче нести было.

«Значит, у них такая фамилия,— подумал Вовка.— Захар — это Сережка Захаров».

— Понесем! — настаивал Шурка.

— Не городи ерунду,— поморщилась Лизавета.

Вовка понял, что надо что-то сказать.

— Чепуха. Не стоит переживать.— Это получилось у него довольно храбро. Еще он добавил: — Мне даже лучше: не тащить такую тяжесть.

— Ненормальный! — возмутилась Лизавета.— Неужели бы мы дали тебе одному нести?!

Вовке показалось, будто теплая волна прошла по нему.

И захотелось сделать что-нибудь хорошее для этой грозной девчонки и для этих ребят. Но ничего хорошего он сделать не мог и только сказал:

— Давайте съедим планету. Все равно уж теперь.

— А правда...— сказал Шурка.

— Справимся? — спросил Сережка Захаров.

— Справимся,— уверенно ответил Талька.

Это было нелегкое дело — съесть такой арбуз. Нужно было время. И терпение.

Они впятером сидели на скамейке и по уши вгрызались в мягкие красные куски. Семечки прилипали к щекам и подбородку.

— Ты где живешь? — спросил Сережка.

Вовка, не переставая жевать, объяснил.

— Это же рядом с нами,— заметила Лизавета.— Всего через дом.

— Приходи,— сказал Шурка.— Мы в «царя Гороха» играть будем. Умеешь?

— Ну как он может уметь? — вмешался Сережка. И объяснил: — Мы сами эту игру придумали. Вроде лапты, только с тремя мячиками. Мы тебя на левый край поставим.

Лизавета подняла голову. На ушах, как клипсы, висели прилипшие семечки.

— На левом крае у нас Павлик Сенцов играет,— сказала она.— Куда же его девать?

— А в запасные,— объяснил Шурка.— Он же слабак. Думаешь, он поднял бы такой арбуз?

— Лопнул бы,— откликнулся Сережка.

Шурка вытер рукавом подбородок, посмотрел на всех по очереди и осторожно спросил:

— А насчет ПЭС? Сказать? Ведь из-за нее же все...

— Можно,— решил Сережка и повернул к Вовке мокрое лицо.— Мы электрическую станцию делаем, которая от морских приливов работает. Ну, пока модель, в ванне. Уже десять дней возимся. Приходи увидишь...

Вовке стало весело.

— Я приду,— пообещал он.— Обязательно. Сегодня меня, наверно, не выпустят, а завтра приду. А то у нас во дворе даже ребят нет. Только мелкота всякая. Есть еще одна девчонка, да она какая-то... не поймешь.

Вовка вошел во двор и сразу отыскал взглядом свое окно. Он подумал, что, может быть, увидит в окне сестру и та его сразу спросит: «Ты где это бродяжничал столько времени? Где арбуз?» И тогда Вовка отсюда, издалека, объяснил бы ей все. Издалека такие вещи объяснять гораздо лучше.

Но окно было закрыто и отражало синее блестящее небо.

Вовка тихонько вздохнул. И, наверно, от этого вздоха проснулся и зашелестел клен. Сверху снова сорвался светлый пя-

типальный лист и снова упал на Вовкино плечо. Как будто дерево хотело утешить мальчика и положило ему на плечо легкую ладонь.

— Такая хорошая была планета...— доверительно сказал Вовка клену. Тот сочувственно закивал ветвями.

— Ладно, ничего,— сказал Вовка.

Он смотрел на свой подъезд и тогда увидел девчонку.

Она сидела на корточках недалеко от крыльца и опять что-то рисовала на асфальте. Видимо, новый Вовкин портрет.

Ведь она ничего не знала. Она думала, что Вовка сейчас такой же, как вчера. Такой же, как утром. А он уже понимал, почему бывают приливы и отливы. Он умел устраивать солнечные затмения. Он пережил гибель Зеленой Планеты, и стоило ли после этого думать о глупой девчонке с ее дурацкими рисунками.

— Такая была планета...— негромко и с чувством повторил

Вовка. Потом он затолкал кулаки в тесные кармашки штанов и зашагал к подъезду.

До девчонки оставалось шагов десять. Тогда она быстро поднялась и повернулась навстречу Вовке. Пальцы опущенных рук сжались в твердые кулачки. Глаза тихо сузились и сделались как два тонких золотых полумесяца.

— Только подойди...— негромко сказала она.

Вовка шел.

Девчонка мотнула головой, убирая со лба длинные пряди.

— Только подойди,— повторила она напряженным голосом.

Вовка шел. Кеды «два мяча» медленно ступали по серому асфальту. Было в этой мягкой неторопливости что-то непонятное и тревожное. Острые кулачки девчонки дрогнули. Глаза стали широкими.

— Подойди только!— сказала она громко и растерянно. И поняла, что он подойдет. И что лучше ей не ждать, когда он подойдет.

Она отскочила. Отбежала в сторону. Хотела крикнуть Вовке что-нибудь обидное. Хотела и не смогла. Кончилась ее власть. Рухнуло ее могущество. Теперь не от нее, а от Вовки зависело то, о чем она потихонечку мечтала: чтобы перестать быть врагами и чтобы вместе рисовать на асфальте не страшных уродов, а удивительных и веселых зверей.

Она смотрела на Вовку удивленно и грустно. А он прошел и не взглянул на нее. И растоптал ее рисунок.

Она тихонько пошла следом и остановилась в подъезде.

Вовка медленно поднимался по лестнице. Он шел навстречу неприятностям и невздам. Но он не боялся. Он шел печальный и гордый.

А внизу, прислонившись к косяку, стояла девчонка. Тоже печальная. И слушала, как затихают Вовкины шаги...

Но, наверно, оба они немного притворялись. Чуть-чуть. Грусть их не была такой уж сильной. Потому что пробивались сквозь нее светлые пятнышки, похожие на круглые чешуйки солнца.

ЛЕРКА

С босыми ногами становиться в строй не разрешают. И когда горнисты созывают всех на линейку, он вытаскивает из-под вешалки новые калоши. Эти калоши дал ему Николка Морозиков. А Николке дали их дома — на тот случай, если будут дожди и холод. Но дождей нет, и солнце каждый день сияет над озером изо всех сил.

Калоши хлюпают на босых ногах, шлепают резиновыми пятками по песку, и песок под ними взрывается маленькими фонтанчиками. Сначала это интересно, а потом надоедает.

Все остальное время он ходит босиком. Не в калошах же ходить! А сандалии утонули в озере. Это случилось на рыбалке. Их унесла с причального плотика шипучая волна, которую подняла шальная моторка. А он и не огорчился. Просто сразу же забыл о потере. Все равно эти новые желтые сандалии были совершенно лишними на его ногах — изрезанных осокой, перемазанных до колен глиной, облепленных темными полосками сырых травинок...

Он любит бродить у воды. И за это ему попадает. На вечерней линейке старшая вожатая Инна Семеновна говорит громким круглым голосом:

— Сакурин Валерий... Ну-ка выйди из строя! Вот, полюбуйтесь! Во время

тихого часа опять не спал, а ходил по берегу. Из-за него пятый отряд не удержался на своем четвертом месте по дисциплине, съехал на шестое.

Он послушно шагает вперед, и калоши хлопают громко и отчетливо.

Лена украдкой вздыхает. Ей становится жаль его. И еще беспокоит мысль: «Вдруг решит, что это я на него пожаловалась!»

Он стоит и молчит, опустив стриженую голову. Месяц назад его остригли под машинку, но теперь волосы отросли и покрыли голову темным ежиком. Они короткие и жесткие, как на зубной щетке. Такого уж не погладишь по головке.

Но его и не гладят.

— До каких пор это будет продолжаться? — спрашивает Инна Семеновна.

Он стоит и думает о своем. Совсем о другом. И шевелит острой коленкой с прилипшим листиком травы. Лист неровный, с пятью длинными зубцами. Словно кто-то очень маленький шлепнул по коленке растопыренной зеленой ладошкой.

Инна Семеновна быстро начинает нервничать.

— Ты ответишь хоть что-нибудь?

Лена знает, что он не ответит. Потому что считает разговор пустым. Он вообще не любит говорить много слов, Лена убедилась. Но она не вмешивается. Отрядной вожатой нельзя вмешиваться, когда старшая вожатая лагеря воспитывает мальчишку. Да и что тут скажешь?

— Валерий!

Лена сдерживает досадливую усмешку. Ну какой же он Валерий! Маленький, остроплечий, в мятой рубашонке из розового с черными полосочками ситца, в таких же штанишках, пристегнутых к рубашке белыми пуговицами. Одна пуговица недавно оторвалась, но он отыскал другую — большую, из красного стекла. Наверно, от женского халата. Он прикрепил ее медной проволокой, и теперь эта пуговица горит на правой стороне живота, как предупредительный сигнал. Только

непонятно, о какой опасности предупреждает. Может быть, о том, что ее хозяин опять сбежит на озеро?..

— Ты понял, наконец, что нельзя нарушать дисциплину? — устало говорит Инна Семеновна. И ждет. А он думает о своем и чуть-чуть шевелит круглой головой на тоненькой шее. И если очень захотеть, то можно принять это шевеление за утвердительный кивок: да, понял, что нельзя нарушать дисциплину...

Инна Семеновна вздыхает:

— Становись в строй.

Он послушно шагает назад, и калоши снова бьют подошвами по песку: шлеп-шлеп.

Сосед Санька Щетинников улыбается и что-то ему говорит. Потом показывает кончик язы-

ка. Хочет рассмешить. А он не смеется. Он тихо отвечает и смотрит на Саньку темно-коричневыми глазами.

«Серьезные у него глаза,— думает Лена.— Слишком серьезные... Но все равно, какой же он Валерий?»

Он просто Лерка. Все его так и зовут.

С Леркой Лена познакомилась в первую же минуту, как только оказалась в «Искорке». У распахнутой лагерной калитки на широкой скамье сидел, скрестив ноги, худой темноглазый мальчишка. Пятна высохшей глины лежали на коричневых ногах светло-серыми заплатами. На коленях мальчишка держал громадный кухонный нож, широкий и блестящий, как серебряная рыба. Наверно, этот нож долго-долго драили песком.

«Турчонок»,— усмехнулась про себя Лена и подумала, что не хватает мальчишке только большого тюрбана. А так совсем как маленький янычар: ноги сложил калачом, на коленях ятаган, а ситцевый костюмчик похож на коротенький полосатый халат.

И лицо у мальчишки серьезное и невозмутимое.

Он чуть наклонил голову и осторожно пробовал пальцем, хорошо ли отточено его оружие.

— Здравствуй,— сказала Лена.

— Здравствуйте,— сказал он. Спустил ноги, отложил тесак и взглянул на Лену. Смотрел он внимательно, не улыбаясь, но ничего больше не говорил.

И Лене стало неловко от долгого молчания.

— Ты дежурный, что ли? — Она знала, что у входа в лагерь полагается быть дежурному.

— Нет,— сказал он.

— А где дежурный?

— Их два. За изоляцией пошли.

— За чем?

— За лентой для изоляции,— отчетливо повторил мальчишка, и в глазах у него проскользнуло сердитое удивление.

Наверно, подумал: «Такая большая, а не знает простых вещей».

— Хороши дежурные,— хмыкнула Лена.— Бегают за лентой какой-то...

— Я-то здесь,— коротко сказал мальчишка.

Спорить Лене расхотелось.

— Да, конечно,— примирительно сказала она и улыбнулась.— Сторож с такой саблей стоит двух дежурных.

— Это не сабля,— сказал он и на улыбку не ответил. Отвернулся и стал смотреть в кусты.

Из кустов, исцарапанные и запыхавшиеся, выскочили двое. С репьями в волосах, с красными повязками на голых руках.

— Здрате! — на всем скаку выпалили они.— Вы к кому?

— К вам.

Дежурные заулыбались:

— А зачем?

— А по делу. Где у вас пятый отряд?

Мальчишки довольно толково объяснили, что к даче пятого отряда можно идти по аллее — мимо столовой и киноплощадки, а еще можно вдоль забора, по тропинке, что ведет к цистерне с водой. Второй путь короче, только надо продирается сквозь крапиву и репейники.

— Ясно,— сказала Лена.

Дежурные переглянулись, будто не были уверены, ясно ли ей. И вдруг разом вспомнили, повернулись к «турчонку».

— Вот он...

— Из пятого.

— Только ему некогда провожать,— спохватился один из них.

— Тоже мне, рыцари,— сказала Лена.— Обойдусь без провожатых... Значит, ты из пятого? Как тебя зовут, незнакомец с большим ножом?

И узнала, что его зовут Леркой.

Он еще секунду серьезно смотрел на Лену. Видимо, ждал новых вопросов. Потом повернулся к дежурным:

— Давайте.

Они дали ему синее колечко изоляционной ленты. Лерка зажал в коленях нож и начал обматывать самодельную рукоятку.

Мальчишки уже не смотрели на Лену. Они смотрели на Леркины пальцы. Следили, как лента опоясывает ручку аккуратными синими витками. Были они оба старше Лерки, но глядели на него с почтением. Или, вернее, с готовностью сделать все, что он скажет. Так смотрят неловкие новички на умелого мастера...

— Значит, ты из пятого отряда? — повторила Лена. Лерка промолчал. Он, видимо, размышлял, стоит ли два раза отвечать на один вопрос. Потом все-таки сказал:

— Ну да...

Рукоятка была уже готова. Лерка сжал ее в остром кулачке и прищуренно глянул вдоль клинка.

— Сойдет,— довольно произнес дежурный в синих шароварах.

— Сила! — поддержал его дежурный в зеленых трусах с белыми лампасами.

«Что они собираются делать? — кольнуло Лену беспокойство.— Ой, мама... С таким-то ножищем...»

Но не хотелось начинать знакомство с подозрительных вопросов. И не отбирать же, в конце концов, нож. Мальчишки возьмется с ним открыто, значит, не считают свое дело за претным.

Однако для очистки совести она спросила:

— Зачем он вам, такой страшный?

Лерка слегка пожал плечами.

— Тростник рубить,— сказал мальчишка в трусах с лампасами. А другой черкнул по воздуху ребром ладони: р-раз... Так они будут срубать сухие тростниковые стебли на краю болота.

«Зачем вам тростник?» — чуть не спросила Лена. Но спохватилась. Может быть, все знают, и только она не знает, зачем тростник. И, может быть, худой темноглазый Лерка снова глянет на нее досадливо и удивленно.

Лерка отложил нож, отвернулся и смотрел теперь сквозь голубые рейки забора. Там были лес и пустая дорога среди сосен...

Зачем нужен тростник, Лена узнала в тот же день. Благодаря Лариске Рыбиной. Сразу надо сказать, что Лариска считалась ябедой. Но она вовсе не походила на обычных ябед — пронырливых, остроносых и писклявых. Она была толстая, с большой черной косой и говорила унылым басом. Было слышно уже издали, когда она медленно гудела:

— Елена Максимовна-а... А Колька Шанкевич опять залез на сосну и кидается ши-и-ишками...

Или:

— Инна Семеновна-а... А Санька Щетинников стоит в коридоре и стучается по голове барабаном...

Конечно, Колька Шанкевич успевал съехать на животе с дерева, а Санька — положить на место барабан.

Ябедничать по-настоящему, незаметно, Лариска не умела, поэтому ее не колотили.

Только, если затевалось опасное дело, Санька Щетинников говорил:

— Смотрите, братцы, чтоб Рыбина не услышала...

— А я услышала-а,— оказавшись поблизости, сообщала она. И неторопливо шагая сквозь кусты, начинала тянуть еще издали:

— Елена Максимовна-а... А мальчишки поймали чью-то кошку и пихают ее в центрофигу...

— Сама ты центрофига! — орал вслед раздосадованный Санька.— Ни черта не понимает, а суется! Самому мне, что ли, туда лезть?! А если перегрузка смертельная?!

Но все равно опыт приходилось отменять. Кошка летела через изгородь, а центрифуга, созданная для испытания космических перегрузок, снова превращалась в обыкновенную бочку. Ее снимали с веревок и катили на постоянное место — под водосточную трубу. До следующего раза.

Но иногда Лариска приносила полезные сообщения. Например, однажды она своим тягучим голосом прогудела:

— А Николка Морозиков потихоньку залез в лодку-у, а лодка поплыла, а весел там нету...

Лодку с ревушим от страха Николкой догнал катер...

Но все это случилось позднее. А в первый день, когда Лена многих в отряде еще не знала по именам, толстая девчонка с черной косой приоткрыла дверь в пионерскую комнату и сообщила:

— Елена Максимовна-а... А Лерка и Санька стоят за сараем и стреляют стрелами, а стрелы втыкаются...

Стрелы втыкались. Они с шелестом проносились над высокой травой и с каким-то чмоканием впивались в стену сарая. Стена была бревенчатая, темно-серая, а стрелы были золотистые. Воткнувшись, они долго дрожали.

Лена тихо подошла и остановилась позади мальчишек.

Стрелков было двенадцать, а самострел один. На стене сарая висела мишень — тетрадный листок с нарисованной рожей. Две стрелы торчали в верхнем уголке листа, а остальные не задели бумагу, словно она была заколдованная.

Еще одна стрела прошуршала в воздухе, но опять не попала в цель, а зацепила вбитую в бревна железную скобу, взмыла над соснами, перевернулась и пошла вниз. Она воткнулась в крышу сарая и замерла, как маленькая антенна.

«Ой, мама,— подумала Лена,— ведь наконецники-то, кажется, металлические...»

Но что она могла сказать?

— Можно, я тоже выстрелю? — сказала она.

Только сейчас мальчишки заметили новую вожатую. Они смотрели на нее по-разному: кто с опасением, кто удивленно (откуда взялась?), кто со скрытой усмешкой: знаем, сейчас крик поднимешь.

Ни один не понял сразу ее вопроса.

— Я тоже выстрелить хочу. Можно? — повторила она.

Тогда лобастый, светлоглазый Санька Щетинников, глядя под ноги, хмуро сказал:

— У нас очередь.

— Ну, а я и не прошусь без очереди. За кем стрелять?

— За мной,— откликнулся Лерка. Он один не проявил интереса к приходу вожатой. Стоял и все время смотрел на мишень. Даже когда отвечал, не обернулся.

Стрелы по-прежнему летали мимо тетрадного листка. Мальчишки досадливо вздыхали, и каждый придумывал оправдание.

«Интересно, что скажет Лерка, когда промахнется?» — подумала Лена.

Лерка не промахнулся. Его стрела воткнулась в край нарисованной рожи.

Мальчишки заорали «ура!» и бросились к сараю.

Санька взял у Лерки самострел и молча протянул вместе со стрелой Лене.

«Ой, а вдруг промажу? — подумала она.— Вот скандал-то будет. При всем отряде. И при этом... при Лерке...»

Лена посмотрела украдкой на Лерку. Он стоял в нескольких шагах спиной к ребятам и к ней. Во всей его фигурке было хмурое равнодушие. «Ну и человек», — подумала Лена с неожиданной обидой. Мальчишки вернулись от сарая, и она стала целиться в рисунок. Ребята напряженно ждали и готовились радостно захихикать, когда стрела уйдет в сторону от листка.

«Дернула меня нечистая сила», — вздохнула про себя Лена.

Раньше она никогда не стреляла из таких штук. Из луков стреляла, когда была ростом не больше Саньки. Из «шпоночников» стреляла — это такое ружьецо, бьет проволочными скобками.

А Леркин самострел был каким-то гибридом шпоночника и лука.

Лена добросовестно щурила левый глаз, а правым смотрела на блестящий наконечник стрелы. Он плясал и никак не хотел задержаться на белом квадратике мишени. «Вот зану-

